

Polylogos. 2013-2024

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 3 Volume 2. 2018

Catholicism, Orthodoxy and national culture: on the philosophy of Russian history

Dmitry Nossov

*Higher School of Economics National Research University
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article attempts to look at the process of the formation of Russian culture (in the broad sense of the word) "through the prism" of the philosophy of history. The reasons behind the characteristic features of Russian history and culture are examined, many of which are generated by the variant of Christianity, which was adopted by Kievan Rus, the Orthodoxy. On the basis of philosophical and cultural analysis, it is concluded that the domination of secular power over the spiritual, the orientation not on rationality, but on spirituality, the preaching of Christianity in the national language - these are the cornerstones of the specifics of Russian culture. The article is addressed to philosophers, culturologists, historians of Russia.

Keywords list (en): Catholicism, Orthodoxy, secular power, spiritual authority, papacy, patriarchy, rationalism, irrationalism, history of Russia, philosophy of history

Date of publication: 08.11.2018

Citation link:

Nossov D. Catholicism, Orthodoxy and national culture: on the philosophy of Russian history // Polylogos. – 2018. – V. 2. – № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000054-1-1/>. DOI: 10.18254/S0000054-1-1

¹ Любая попытка осмыслить сегодняшние проблемы России заставляет нас обращаться к анализу особенностей русской культурной традиции. Чаще всего мы поступаем подобным образом интуитивно, не задумываясь о причинах нашего

стремления найти ответы на специфические культурологические и философские вопросы в глубинах отечественной истории. В публичном пространстве подобные вопросы связаны с поиском национальной идеи России, с констатацией отсутствия таковой идеи. Наша задача не заключается в оспаривании данного утверждения, поскольку в обращении к этой проблематике в подобном полемическом ключе есть риск оказаться на стороне философствующей публицистики, адресуемой к скромным школьным представлениям и знаниям общего порядка. Задача, как мне представляется, лежит в плоскости осмысления духовно-культурного ядра, «фундамента» русской культуры, определяемого базовыми представлениями, которые формируют систему ценностей и предпочтений, имманентно присущих российскому мировосприятию.

2 Обратимся к той эпохе, когда происходили консолидация древнерусской народности и формирование интересующей нас системы ценностей древнерусской культуры. Очевидно, что истоки данных процессов следует искать во времена князя Владимира (по христианским летописям — Святого Владимира Крестителя, по народным былинам — Владимира Красное Солнышко). Центральное событие зафиксировано в «Повести временных лет», где описаны причины, заставившие Владимира обратиться к Византии за крещением.

3 «В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: “Вот приходили ко мне болгары¹, говоря: ‘Прими закон наш’. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать... Что же вы посоветуете? Что ответите?”

4 И сказали бояре и старцы: “Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь доподлинно разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, узнай, какая у них служба и кто как служит Богу”. И понравилась речь их князю и всем людям: избрали мужей славных и умных числом десять, и сказали им: “Идите и испытайте веру их”.

5 И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: “Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними”, — обратился к послам: “Говорите перед дружиною”.

6 Они же сказали: “Ходили к болгарам, смотрели, как они молятся в храме, именуемом мечетью, стоят там распоясанные; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пошли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой.

7 И пошли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем мы, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах.

8 Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в

язычестве»².

⁹ В процитированном выше отрывке летописи даны описания мотивов княжеского решения, носящих по большей части эстетический характер. Однако не все в летописном повествовании воспринимается как заслуживающее равного доверия. Не будем забывать, что «Повесть временных лет» была написана христианским монахом начала XII века, который видел в этом событии провиденциальный смысл и создавал новый образец христианского правителя, придавая почитаемому русской церковью святому Владимиру Крестителю самые возвышенные и благочестивые помыслы.

¹⁰ Однако все, что известно о Владимире Святославиче и из летописей, и из былин, и из «иноземных» хроник, говорит, что облик святого вряд ли адекватен исторической личности князя. Мудрый, решительный и, самое главное, преуспевший государственный деятель, скорее был подобен Макиавеллиевому государю (мудрому как змея, храброму как лев и хитрому как лиса), чем христианскому подвижнику³.

¹¹ Логично предположить, что после того, как предпринятая Владимиром языческая религиозная реформа не принесла ему необходимых политических результатов, князь решился на более масштабные идеологические изменения, сулившие ему немалые «политические дивиденды».

¹² Перед быстро растущим и становящемся год от года все более могучим киевским княжеством на повестку дня встали следующие задачи первостепенной важности:

- ¹³ • добиться объединения разрозненных восточнославянских племен в единое и стабильное государство;
- ¹⁴ • войти в систему передовых стран Запада и Востока (где уже утвердился монотеизм — иудаизм, христианство и ислам) в качестве равноправного политического и торгового партнера.

¹⁵ Решить данные задачи можно было, лишь приняв ту или иную монотеистическую религию. Выбор в пользу христианства определялся более тесными связями с Европой и Византией, чем с мусульманским востоком или иудейским юго-востоком. К тому же и в военно-политическом отношении христианские соседи Киевской Руси были куда более сильны.

¹⁶ Выбор в пользу христианства вполне логичен. Но почему Византия?

¹⁷ Расселившиеся по берегам Днепра славянские племена исторически были тесно связаны с «империей ромеев», в первую очередь экономически. Используя современный геополитический язык, можно сказать, что Киевская Русь входила в сферу жизненных интересов Константинополя. Поддержка церкви была государственной политикой цареградских императоров, а для торжественных православных богослужений требовался не иссякающий и «полноводный» поток воска для свечей. Основным же (временами и единственным) источником воска

для Византии была торговля с днепровскими славянами, занимающимися бортничеством.

¹⁸ К тому же Русь уже на протяжении нескольких поколений была связана с Византией системой государственных и торговых договоров (то более, то менее выгодных для славян). Но, мне кажется, для такого прагматика, как Владимир, наиболее значимым был вопрос о взаимоотношениях светской и духовной власти в той или иной религиозной традиции. Сын рабыни, шедший к княжеской власти через братоубийство, принуждавший высокородных невест к замужеству с ним военной силой, вряд ли мог всерьез раздумывать о принятии иудаизма или ислама с их теократическими устремлениями.

¹⁹ По этой же причине и католицизм, в котором папы римские претендовали на более высокое, чем у светских владык, положение, оказывался мало привлекателен для Владимира. Еще в V веке папа Геласий I сформулировал учение о «двух мечах», согласно которому оба меча — и духовный, и светский — находятся в руках церкви, поскольку именно ей они вручены самим Богом. Одним из них церковь пользуется самостоятельно, а другим пользуются короли и воины, но под руководством церкви. После того как в середине IX века распалась империя Карла Великого, Рим стал прямо претендовать на обладание абсолютной властью. А поскольку с 844 года император более не участвовал в избрании римских пап, то папство оказалось единственной политической силой, распространявшей свое влияние на всю Европу. К тому же в руках у папы было столь мощное средство воздействия на светских владык, как интердикт.

²⁰ Широко известна история противостояния императора Священной Римской империи Генриха IV и папы Григория VII, которые обоюдно объявляли друг друга одного низложенным, а другого отлученным от церкви. Поскольку отлучение от церкви освобождало вассалов от присяги королю и, более того, обязывало ее не соблюдать, то Генрих IV оказался в совершенно незавидном положении. И в январе 1077 года он босой, в покаянной власянице пешком пошел к находящейся на севере Италии крепости Каносса, где находился наместник Петра. Спустя три дня стояния с непокрытой головой перед запертыми воротами Генриха впустили к понтифику и дозволили вымолить у него прощение (см.: *Приложение 1*).

²¹ Иначе обстояло дело в Византии, где еще со времен Константина церковь находилась в подчинении у императора, который имел право созывать соборы, санкционировать (или нет) их решения, назначать на должности церковных иерархов. Даже избрание константинопольского патриарха зависело от воли «багрянородного». Синод представлял ему на выбор три кандидатуры, а тот, в случае недовольства всеми тремя, мог выдвинуть своего претендента, который и становился патриархом.

²² Константинопольский патриарх Мина в VI веке писал, что «ничто не должно совершаться в святейшей церкви против воли и приказаний императора», а в церковной хронике XII века говорится: «Император является для церкви высшим господином и хранителем веры»⁴. Можно вспомнить находящийся в г. Сплите каменный алтарь, на котором изображен священник, целующий ноги королю (см.:

Приложение 2). Подобное положение светского владыки полностью соответствовало чаяниям князя Владимира и было в его глазах, как мне кажется, наиболее весомым аргументом в пользу восточного христианства.

²³ Дополнительным соображением, подталкивающим к выводу о чисто прагматическом подходе киевского князя к выбору веры, является и эпизод с его женитьбой на сестре константинопольских императоров Анне. Столкнувшись с отказом императорской фамилии заключить с ним династический брак, с нежеланием отдавать «багрянородную» принцессу замуж за варвара-многоженца⁵, Владимир захватил византийский город Херсонес (Корсунь), убив при этом его князя и княгиню, и начал угрожать походом на Константинополь.

²⁴ Константинопольским императорам не оставалось ничего иного, как согласиться на брак. Двусмысленность этого сватовства хорошо передана в следующих стихах:

²⁵ На новый подвиг с новым жаром Летят дружинами с вождем богатыри. Зарделись небеса пожаром; Трепещет Греция и гордые цари! Так в князе огонь души надменной, Остаток мрачного язычества горел: С рукой царевны несравненной Он веру самую завоевать летел. (К. Ф. Рылеев) И князь повещает корсунцам: «Я здесь! Сдавайтесь, прошу вас смиренно, Не то, не взыщите, собью вашу спесь И город по камням размыкаю весь — Креститься хочу непременно!»...

²⁶ И шлет в Византию послов ко двору: «Цари Константин и Василий! Смиренно я сватаю вашу сестру, Не то вас обоих дружиной припру, Так вступим в родство без насилий!»...

²⁷ Что делать с Владимиром: вынь да положь! Креститься хочу да жениться! Не лезть же царям, в самом деле, на нож? Пожали плечами и молвят: «Ну что ж? Приходится ехать, сестрица!» (А. К. Толстой)

²⁸ Столь обширный экскурс в историю конца X века потребовался для того, чтобы показать, что выбор Владимира пал на восточное христианство в первую очередь по соображениям социально-политическим. Ведущим мотивом князя Владимира было укрепление политической власти и государства, которое способно было конкурировать на равных с прежними геополитическими центрами силы. Расчет Владимира оправдался, его государственно-политическая инициатива, с опорой на авторитет новой религии привела в историческом плане к совершенно новой ситуации - к появлению молодого христианского государства, сделавшего центром своей культуры и политики духовные традиции и практики Византии, строящего новые тип религиозных и социальных отношений по образцу восточного христианства.

²⁹ Этот мощный проект христианизации Древней Руси оказался политически и культурно-исторически успешным. «То, что произошло в конце X века в Древней Руси, было выдающимся событием в истории нашей Родины, — пишет академик Б. В. Раушенбах. — Великий князь Владимир осуществил смелую государственную реформу, имевшую далеко идущие последствия. Я бы сравнил ее с реформой Петра I. Как и во времена Петра, тогда нужен был рывок в развитии страны, усвоение высших достижений передовых стран той эпохи. Владимир

преследовал цель стать вровень с развитыми феодальными монархиями. Для этого надо было решиться на проведение энергичной феодальной реформы и связанных с этим глубоких преобразований. Именно эту реформу “односторонне и ограниченно” называют нередко крещением Руси»⁶.

³⁰ В результате проведенных реформ на Руси начала складываться политическая традиция, согласно которой авторитет князя (великого князя, царя, императора etc.) стоит неизмеримо выше авторитета любых иных общественных сил. В последующей истории России, за исключением редких и кратковременных периодов, церковь всегда зависела от государства и не могла тягаться с ним в тех случаях, когда подобное противостояние оказывалось исторически необходимым.

³¹ Достаточно вспомнить судьбу митрополита Филиппа (Феодора Колычева), попытавшегося хоть как-то ограничить всевластие и самоуправство Ивана Грозного. «...Во время богослужения... явился боярин Басманов с толпой опричников и прочитал перед народом соборный приговор о низложении митрополита. После этого опричники сорвали с Филиппа архиерейские одежды, облекли его в старую монашескую рясу, вытолкали из храма и на дровнях свезли в Богоявленский монастырь. Целую неделю страдалец сидел в оковах в смрадной монастырской тюрьме, затем был перевезен в старый Никольский монастырь, куда царь прислал митрополиту отрубленную голову одного из его родственников... После этих издевательств св. Филипп был сослан в Тверской Отрочь-монастырь, где через год Малюта Скуратов собственноручно задушил его, сказав монастырским властям, что митрополит умер по их небрежности “от неуставного зною келейного”»⁷.

³² Чем-то похожа и судьба Никона, в начале своей патриаршей карьеры подписывавшего грамоты словами «Великий Государь и Патриарх Московский и всея Руси, Божию милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и белыя России и всеа северныя страны и помориа и многих государств Патриарх». Однако стоило царю Алексею Михайловичу возмужать, как реформатор Никон отправился в ссылку в Соловецкий монастырь. А при царе Петре патриаршество было и вовсе упразднено, во главе церкви царь поставил Синод, сформированный им по принципу государственного министерства.

³³ Стоит ли говорить, что подобные взаимоотношения царя с церковной властью были бы невозможны на Руси, прими она католичество. Реально же, в русской истории сложилась традиция, по которой в стране нет никакой силы, что могла бы стать вровень с государством (или возвысится над ним своим духовным авторитетом).

³⁴ Абсолютное самодержавие светского государя в российском обществе и в последующие века создавало немало проблем — от «полудержавности» казнокрада Меншикова до вседозволенности «старца» Распутина. Обществу нечего было противопоставить фаворитам государя — ни авторитет церкви, ни общественное мнение не имели достаточного веса, чтобы принудить самодержца изменить свою позицию.

³⁵ В философско-исторической перспективе отсутствие «противовеса» светской власти в условиях России привело также к тому, что в нашей истории так и не сформировалось гражданское общество. Роль государства всегда была столь гипертрофированна, что любые ростки гражданского общества просто чахли в этих условиях. А народ привыкал жить, гордясь могуществом своей державы. Затем этот же народ вполне естественным образом воспринял всесилие тоталитарного государства и никакой террор не мешал ему радоваться территориальному расширению страны — присоединению западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики, Восточной Пруссии и Южно-Курильских островов. Вместе с тем стоит отметить, что территориальный рост России в значительной мере был обусловлен как раз силой ее государства, не будь которой, Россия никогда и не заняла бы «шестую часть суши».

³⁶ Обратим внимание еще на одну исторически заданную особенность формирования культурной и политической традиции Руси/России. Помимо укрепления централизованного государства принятие христианства Владимиром Крестителем Руси имело и иные следствия, как в ближайшей, так и в длительной перспективе.

³⁷ Византия в X веке переживала расцвет, античная традиция учености, хотя и в глубоко христианизированном виде, была весьма авторитетна. В школах изучали Гомера и других классических авторов древности, в работах богословов и философов продолжали жить учения Платона и Аристотеля. Византийская художественная культура (иконопись, архитектура, миниатюра) находилась в это время на более высоком уровне, чем художественная культура Западной Европы. И тесное взаимодействие Константинопольской патриархии с вновь учреждаемой русской церковью означало для Руси и ее искусства чрезвычайно многое. Заметим, что этот вопрос много и плодотворно изучался в российской искусствоведческой традиции, дореволюционной и современной. Ей отдали дань блестящие русские мыслители, представители русского религиозно-философского ренессанса - Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, Г.П. Федотов, В.В. Вейдле.

³⁸ Остановимся на двух особенностях, присущих самому восточному христианству, воздействие которых на русскую культуру в целом было, с моей точки зрения, куда более значительным и определяющим.

³⁹ Во-первых, это лояльное отношение Константинополя к богослужению на национальных языках. Несмотря на то, что в 813 году Турский синод предписал переводить слова проповеди на романский или старонемецкий, мессу проводить на латыни, а проповедь - на понятном крещеному народу языке, религиозная политика и практика Рима не была столь культурно мягкой. Рим старался строго придерживаться ортодоксальной теории трехязычия, согласно которой «богодухновенными» признавались лишь еврейский, греческий и латинский языки.

⁴⁰ Во-вторых, это ориентация восточного христианства скорее на апофатическую, чем на катафатическую теологию, скорее на мистические, чем на рациональные пути богопознания. В целом данная культура была куда менее

рациональна, чем школьная (схоластическая) культура Европы. Рассмотрим эти особенности более подробно.

⁴¹ Византийские монахи Кирилл и Мефодий еще в середине IX века в ходе миссионерской деятельности среди славянских племен Великоморавской державы изобрели славянскую азбуку и перевели на славянский язык ряд церковных книг. Впоследствии эта их работа подверглась резкому осуждению со стороны католического духовенства. Кирилл так отвечал на критику: «Не идет ли дождь от Бога на все равно? Или солнце такожде не сияет ли на все? Ни ли не дышаем аиерь равно вси? И како вы не стыдите се, три езыки мьнеше тьчию, а прочиимь въсемь езыком и племенем слепом велеше и глухом быти? Скажите ми: Богатвореше немощна, яко не могуща сего дати, или завистлива, яко не хотеша? Мы же роды знаемь довольны, книги умеюще и Богу славу въздающе къждо своимь езыком. Яве же суть си: армени, перси, авазги, ивери, сугди, готфы, обри, турси, козари, арвяляне, египты и инии мнози»⁸.

⁴² Распространение в Киевской державе именно восточного христианства с церковной службой на национальном языке способствовало, с одной стороны, более быстрым темпам христианизации славян, а с другой, — тому, что уровень грамотности в Киевской Руси оказался удивительно высоким для того времени, а литература чрезвычайно быстро достигла достаточно зрелого состояния.

⁴³ Первый ректор Киевского университета и один из прекрасных знатоков древнерусской литературы М. А. Максимович писал: «При всем влиянии греческом на нашу словесность она не была исключительно подражательною, но имела много своеобразного, — что становится видным даже из сличения написанного нашими митрополитами греками и природными русскими писателями. И если сравнивать древнюю русскую словесность с современным ей состоянием словесности у западных народов, то, конечно, ни одна из них не возьмет преимущества перед нами; по крайней мере нам не известно ничего в XI и XII веке на западно-европейских языках, что превосходило бы летописание Нестора, слова Кирилла Туровского и “Песнь о полку Игореве”»⁹.

⁴⁴ Причины быстрого расцвета древнерусской литературы показаны в работе академика Д. С. Лихачева «Развитие русской литературы X–XVII веков». Он отмечает, что созданное Владимиром Святославичем раннефеодальное государство было столь огромно, что существовавшие в те времена экономические и политические связи между частями державы не могли сами по себе обеспечить ее единство. Для удержания единства «требовались высокая общественная мораль, высокое чувство чести, верности, самоотверженности, развитое патриотическое сознание и высокий уровень словесного искусства — жанров политической публицистики, жанров, воспевающих любовь к родной стране, жанров лироэпических»¹⁰. Всего этого не могла дать переводная византийская и болгарская литература, возникшая в иных политических условиях. Киевским книжникам приходилось самим создавать соответствующие литературные формы, опираясь на народное историческое самосознание, на фольклор.

⁴⁵ Однако следует помнить, что развитие древнерусской литературы все же базировалось на привнесенной вместе с христианизацией литературе на

родственном болгарском (церковнославянском) языке. В Болгарии к этому времени уже были выполнены переводы не только с греческого и латыни, но и с сирийского и арамейского языков.

⁴⁶ Русь через Византию и Болгарию получила в свое распоряжение не только кириллицу, не только переводы, не только литературу, но и развитый язык, с богатой абстрактной лексикой. Этот язык впитал в себя определенные элементы древнегреческого языка, а, значит, и греческой культуры, греческого миропонимания, греческой мысли.

⁴⁷ «Мысль, если она мысль, с самого начала уже есть то, чем оказывается в своем существе *слово*: она имеет смысл. Мысль поэтому всегда хранит исключительное отношение к слову. Философия несет в себе язык. Сочетание “язык философии” должно поэтому звучать примерно как “свечение света”»¹¹.

⁴⁸ Благодаря такой традиции, русский язык оказывается более благодатным материалом (или инструментом) для философской (шире — гуманитарной) мысли, чем большинство европейских языков. Если принять в качестве авторитетного мнение процитированного выше В. В. Бибихина, то по своим возможностям передачи утонченной философской мысли русский язык стоит вровень с древнегреческим и немецким.

⁴⁹ На формирующуюся русскую культуру оказали существенное влияние и собственные взгляды Кирилла и Мефодия, которые рассматривали как единую общность не только славянские племена, но и все человечество. Поэтому в последующие века для российской идеологии столь естественной оказалась мысль об ответственности России за судьбы всех славян (поддержка национально-освободительной борьбы болгар против Турции etc.) и всего человечества (концепция «Москва — третий Рим», «пролетарии всех стран...»). В какой-то мере отсюда берет свой исток идея мессианства России, ее особой судьбы, особого предназначения. Однако принятие восточного христианства со службой на славянском языке имело для русской культуры не только положительное значение.

⁵⁰ На негативные последствия рассматриваемого факта обратил в начале нашего века внимание Г. Г. Шпет. Он писал: «Варварский Запад принял христианство на языке античном и сохранил его надолго. С самого начала его истории, благодаря знанию латинского языка, по крайней мере в более образованных слоях духовенства и знати, античная культура была открытой книгой для западного человека.

⁵¹ Совсем не то было у нас. Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Солунские братья сыграли для России фатальную роль... И что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке? И какое у нас могло бы быть Возрождение, если бы наша интеллигенция московского периода так же знала греческий, как Запад — латинский язык, если бы наши московские и киевские предки читали хотя бы то, что христианство не успело спрятать и уничтожить из наследия Платона, Фукидида и Софокла... Вместо того открывший собою наш московский “Ренессанс” первым провозглашением идеи третьего Рима старец Елизарова монастыря похвалялся: “Аз — сельский человек, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а

риторских астроном не читал, ни с мудрыми философы в беседе не бывал, — учюся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от греха»¹².

⁵² И действительно, тот факт, что Русь усвоила богослужение на национальном языке, в последующей ее судьбе оказался одним из факторов, способствовавших культурной изоляции России, ее оторванности от культурных процессов, происходивших в Европе.

⁵³ В Западной Европе любой образованный человек знал латынь, она была «языком межнационального общения», общеевропейским языком средневековья, языком формирующейся европейской культуры. Написанные на латинском языке работы Декарта были в равной мере доступны англичанам Гоббсу и Локку, французу Паскалю, жившему в Голландии Спинозе, немцу Лейбницу и *vice versa*.

⁵⁴ Россия в эту эпоху оказалась варварской азиатской державой, исключенной из общеевропейского культурного процесса. Однако главную роль в этом сыграл не столько «языковой барьер», сколько общая нерационалистическая (зачастую — антирационалистическая) традиция византийской культуры.

⁵⁵ В Западной Европе на протяжении средних веков доминировала схоластика, являвшаяся по преимуществу рационалистической традицией мысли. Будучи по своему предназначению школьной философией (слово происходит от греческого *σχολαστικός* — школьный, ученый), схоластика изначально ориентировалась на нужды учебного процесса, по самой своей природе призванного убеждать ученика в правильности положений учителя, доказывать ему истинность разворачиваемых утверждений. Для этого необходима достаточно развитая формально-логическая техника, совершенная рационалистическая методологическая процедура.

⁵⁶ В европейской рационалистической схоластике, которая начала складываться еще во времена Каролингского ренессанса в работах Иоанна Скота Эриугены, а затем была развита в работах Ансельма Кентерберийского, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Дунса Скота, сложилась традиция высокой оценки человеческого разума. Даже в тех случаях, когда философия трактовалась как «служанка богословия», она сохраняла свою значимость, а рациональные доказательства истин веры (например бытия Бога) рассматривались как весьма полезное подспорье в усвоении религиозного учения.

⁵⁷ Вот как описывает обучение в монастырской школе Пьер Абеляр: «Ученики мои требовали от меня человеческих и философских доводов и того, что может быть понято, а не только высказано. Они утверждали при этом, что излишни слова, недоступные пониманию, что нельзя уверовать в то, чего ты предварительно не понял, и что смешны проповеди о том, чего ни проповедник, ни его слушатели не могут постигнуть разумом»¹³.

⁵⁸ В культуре же Византии, напротив, доминировало мистическое направление, так называемое апофатическое богословие. Величайший авторитет восточной церкви Иоанн Златоуст (ок. 350–407) писал, что если человек не в силах постичь сотворенный земной мир, то тем более безрассудно даже и пытаться

понять Бога. «Что же ты говоришь? Судьбы Его непостижимы, пути Его неизследимы, мир превосходит всякий ум, дар невыразим, уготованное Богом любящим Его не приходило на сердце человеку, величие не имеет предела, разум без числа, все непостижимо, а Он постижим? Не крайняя ли это степень безумия?»¹⁴.

⁵⁹ Постигание Бога в рамках византийской традиции мыслилось возможным по преимуществу через мистическое озарение. Опыт описания подобного «боговедения» дан афонским монахом Симеоном Новым Богословом (949–1022): «Запри двери твоей кельи, сядь в углу ее, отвлеки свою мысль от всего земного, телесного и скоропреходящего. Потом склони подбородок твой на грудь свою и устрями чувственное и душевное око на пупок твой; далее, сожми обе ноздри твои так, чтобы едва можно было дышать, и отыщи глазами то место сердца, где сосредоточены все способности души. Сначала ты ничего не увидишь сквозь тело свое, но, о чудо! — увидишь то, чего никогда не видал, — увидишь, что вокруг сердца распространяется божественный свет»¹⁵. Данная тенденция византийского богословия достигла своей вершины в исихазме Григория Паламы. Это учение получило поддержку на Константинопольском соборе 1341 г. и стало официальной идеологией византийского православия¹⁶.

⁶⁰ Русская культура по совокупности исторических условий и причин оказалась наследницей именно византийской (православной), а не европейской (католической) культурной традиции. Продолжали эту традицию киевские и псковские монахи печерских монастырей. Продолжали эту традицию Сергей Радонежский и нестяжатели, старообрядцы и Серафим Саровский. Справедливо утверждать, что генетические связи между исихазмом и соборностью славянофилов, религиозными исканиями Достоевского, философией всеединства и религиозно-поэтическим учением о Софии Владимира Соловьева очевидны, и задача их выявления находится в ведении историков русской мысли и философов русской культуры.

⁶¹ Однако если образцы святости и подвижнической жизни в духе и истине христовой веры на Руси были представлены многими духовными опытами старцев, мистиков и божьих людей, то с византийской линией философско-богословской учености вплоть до XIX века было намного хуже. Уже цитировавшийся нами Г. Г. Шпет писал, что на Руси на протяжении большей части ее истории отсутствовала всякая наука, даже богословская. В церковных и светских кругах «не имели представления о научных и философских интересах». Русский народ пребывал в «душном тумане всеобщего невежества», охраняя «свое невежество за непроницаемой броней»¹⁷.

⁶² Подводя итоги вышесказанному, хочу отметить, что факт огромного влияния культуры Византии на культуру Киевской Руси и всю последующую культуру России бесспорен и не нуждается в дополнительных доказательствах. Однако не всегда обращают внимание на амбивалентность этого влияния. В этом контексте национальная культура как предмет исследования нуждается в своей философско-исторической тематизации. Если позитивное воздействие Византии на культуру Руси рассматривается практически в каждой работе по русской истории и культуре, то отрицательные стороны этого заимствования культурной

парадигмы становятся объектом анализа не столь часто. На этот очевидный пробел я пытался еще раз обратить внимание и сформулировать тезис о необходимости разработки этой проблемы в современных российских исследованиях.

Remarks:

1. Имеются в виду волжские болгары-магометане.
 2. Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля // Изборник / Под. ред. Д. С. Лихачева. М., 1969.
 3. Современник Владимира польский летописец Титмар Межиборский называет русского князя «блудником великим и жестоким». См.: *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 110.
 4. См.: *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 71.
 5. Согласно «Повести временных лет» у Владимира, ко времени сватовства к Анне, было пять жен, от которых он имел официально признаваемых наследников мужского пола, и более восьмиста наложниц.
 6. *Раушенбах Б. В.* Сквозь глубь веков // Как была крещена Русь. М., 1988. С. 225.
 7. *Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 448.
 8. Цит. по: *Замалеев А. Ф., Зоц В. А.* Мыслители Киевской Руси. Киев, 1987. С. 25.
 9. *Максимович М. А.* Собр. соч.: В 3 т. Киев, 1880. Т. 3. С. 397–398.
 10. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 55.
 11. *Бибихин В. В.* Язык философии. М., 1993. С. 4 (курсив мой. — *Д. Н.*).
 12. *Шнет Г. Г.* Очерк развития русской философии // *Шнет Г. Г.* Сочинения. М., 1989. С. 28–29.
 13. *Абеляр П.* История моих бедствий // *Августин Аврелий.* Исповедь: *Абеляр П.* История моих бедствий. М., 1992. С. 274–275.
 14. *Иоанн Златоуст.* Против аномеев // Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1898. С. 499.
 15. Цит. по: *Замалеев А. Ф., Зоц В. А.* Указ. соч. С. 25.
 16. Последователями Григория Паламы в России были Сергей Радонежский, Нил Сорский и многие другие.
 17. См.: *Шнет Г. Г.* Указ. соч. С. 20 и далее.
-

References:

1. Abelyar P. Istoriya moikh bedstvij // Avgustin Avrelij. Ispoved': Abelyar P. Istoriya moikh bedstvij. M.: Respublika, 1992. – 336 p.
2. Bibikhin V. V. Yazyk filosofii. M.: Progress, 1993. – 416 p.
3. Dil' Sh. Osnovnye problemy vizantijskoj istorii. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1947. – 185 p.
4. Zamaleev A. F., Zots V. A. Mysliteli Kievskoj Rusi. Kiev: Vischa shkola, 1987. – 184 p.
5. Izbornik / Pod. red. L.A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1969. – 800 p.

6. Ioann Zlatoust. Protiv anomeev // Tvoreniya Svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, Arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode. T. 1. Kn. 2. SPb., 1898.
7. Kartashev A. V. Ocherki po istorii russkoj tserkvi. T. 1. M.: Terra, 1991. – 686 p.
8. Likhachev D. S. Razvitie russkoj literatury X–XVII vekov: Ehpokhi i stili. L.: Nauka, 1973. – 254 p.
9. Maksimovich M. A. Sobr. soch.: V 3 t. Kiev: Tipografiya M.P.Fritsa, 1880. T. 3. – 758 p.
10. Raushenbakh B. V. Skvoz' glub' vekov // Kak byla kreschena Rus'. M.: Mysl', 1988. –337 p.
11. Shpet G. G. Ocherk razvitiya russkoj filosofii // Shpet G. G. Sochineniya. M.: Pravda, 1989. – 608 p.

Католицизм, православие и национальная культура: к философии российской истории

Носов Дмитрий Михайлович

*Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
Российская Федерация, Москва, 105066, ул. Старая Басманная, 21/4*

Аннотация

В статье предпринята попытка осмыслить процесс формирования русской культуры как проблему философии истории. Рассматриваются причины, обусловившие характерные особенности российской истории и культуры, многие из которых определены принятым Киевской Русью восточным вариантом христианства — православием. В рамках статьи анализируются устоявшиеся в российской философско-исторической традиции представления о специфике русской культуры - доминирование светской власти над духовной, ориентация не на рациональный, а на мистико-аскетический тип отношения к миру. Особое внимание уделено проповеди христианства на национальном языке как важнейшем факторе формирования религиозной, художественной и политической культуры Древней Руси. Статья адресована философам, культурологам, историкам, специализирующимся в российских исследованиях.

Ключевые слова: католицизм, православие, светская власть, духовная власть, папство, патриаршество, рационализм, иррационализм, история России, философия истории

Дата публикации: 08.11.2018

Ссылка для цитирования:

Носов Д. М. Католицизм, православие и национальная культура: к философии российской истории // Полилог/Polylogos. – 2018. – Т. 2. – № 3.

URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000054-1-1/>. DOI: 10.18254/S0000054-1-1